ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ОКТЯБРЬ 2021 г. ● № 10 (296) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ

Издается редакцией и Союзом писателей России

Фёдор Михайлович Достоевский (1821 – 1881)

Николай СКАТОВ

Безмерность гения

Предисловие к книге «Ваш Достоевский»

Заглавие первой книги Достоевского, как часто бывает, стало и определением автора: «Певец бедных людей». Позднее, расширяя новым заглавием и опять до него сужая, автора часто называли «защитником униженных и оскорбленных». Название первой повести «Бедные люди» не только воззвало к памяти карамзинской «Бедной Лизы» – повесть рассказала о том, как бедные люди любить умеют.

Критика и потом еще долго толковала о русских бедных людях («маленький человек») 40-х годов XIX века – и это было естественно, нужно и справедливо и для русской литературы, и для русской жизни. Но изначальная особенность дарования Достоевского – страшная сила беспредельного проникновения в душу человека – проявлялась уже здесь, уже здесь совершалось и его главное открытие – беспредельности и безмерности этой души: слетали покровы, снимались рогатки, взламывались все защитные линии человеческой психики. Критика еще только начинала свои бесконечные и совсем не безосновательные разговоры о бедном чиновнике, но стоял у Достоевского за образом бедных людей уже образ всего бедного человечества. Сегодня-то это ясно. «…Я завел процесс со всею нашей литературою», – признался Достоевский брату уже при самом начале своего писательства.

Но вступал в тяжбу с русской литературой Достоевский как ее продолжение. Уже вся она до Достоевского готовилась сказать то, что сказала его устами. Личность – вечная ее тема, именно в ней эта личность находила постоянного защитника и предстателя. И вот Достоевский принял дело в свои руки. Но он совсем не торопился выступить только в привычной гуманной роли защитника и тем попасть в, казалось бы, столь достойную и бесспорную гуманистическую традицию. Он заново начал выяснять обстоятельства дела и в «Двойнике» первый раз их представил – не становясь здесь адвокатом, но и не превращаясь в прокурора. Пока он скорее прошел, так сказать, свидетелем по делу.

И засвидетельствовал: нецельность человеческой личности, уже достаточно осознанная и многократно представленная в литературе как двойственность, перешла в двойничество. Кризис личности Нового времени, заявлявший себя уже в двойственности ее, в двойничестве получил завершение. Двойственность еще означала две стороны характера, осознающего себя как единое, хотя и противоречивое явление. В двойничестве двойственность доходила до предела, за которым начиналось уничтожение характера, по сути – уничтожение человека.

Болезнь оказывалась столь глубокой, что получала уже и свою внутреннюю историю, развивалась по своим внутренним законам и поэтому воспринималась часто наконец и самим Достоевским как некое имманентное явление. Это могло представать и как «извечная» раздвоенность доброго и злого начала, а в религиозном осознании – как борьба Бога с дьяволом за душу человека.

До поры до времени перед Достоевским-художником не стояла проблема новой личности, «восстановление погибшего человека», если воспользоваться его собственным словом. Здесь он уже действительно вступал в противоречие с русской литературой и отступал от прошлой традиции, к которой ему еще предстояло обратиться.

Поражающая сила проникновения в человеческую душу как изначальная особенность Достоевского скоро получила возможность многократного, страшного усиления и необычайную сосредоточенность. Опыт Достоевского-художника обрел опору в таком опыте Достоевского-человека, которого, кажется, не знает мировая история искусства ни за одним из своих создателей. Никто из гильотинированных, расстрелянных, повешенных поэтов, художников и писателей уже ничего не смог рассказать человечеству о своем последнем испытании. Князь Мышкин встретил такого человека, который рассказал: «…эти пять минут казались ему бесконечным сроком, огромным богатством; ему казалось, что в эти пять минут он проживет столько жизней, что еще сейчас нечего и думать о последнем мгновении… Что, если бы не умирать. Что, если бы воротить жизнь – какая бесконечность… Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил».

Жизнь была возвращена. И всю жизнь свою Достоевский-писатель так представлял каждую минуту, что она, каждая, обращалась и обратилась в целый век. Сегодня эта безмерность времени Достоевского, эта бесконечность его ясна, как никогда раньше: в малом – великое, в конкретном русском – общерусское, в общерусском – общемировое.

Больному человечеству писатель ставил диагнозы всечеловеческого, мирового масштаба. Но выявлял он их на русской почве. И не случайно. Западный мир недаром почти немедленно стал жадно внимать Достоевскому и в то же время, как раз в связи с Достоевским, не прочь был потолковать о загадочности и неблагообразии «русской души». «Народ наш, – писал Достоевский, – с беспощадной силой выставляет на вид свои недостатки и пред целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя… во имя негодующей любви к правде, истине… Сила самоосуждения прежде всего – сила; она указывает на то, что в обществе есть еще силы».

«Достоевский – народный писатель» – звучит необычно, ибо словом «народный» для нас еще от XIX века определяется писатель, либо народом широко освоенный, народом читаемый и почитаемый, либо (часто это вещи связанные) представивший широкий разлив народной жизни. Ни того ни другого без больших натяжек не скажешь о Достоевском и сейчас. Но Достоевский – наш доподлинно народный писатель: принципу народности как основному мировоззренческому принципу он, приняв однажды, не изменял никогда, постоянно держа его в уме. И в сердце.

Более того, он единственный в своем роде народный писатель. Достоевский-художник и здесь обрел такую опору в опыте Достоевского-человека, которого, кажется, не знает даже история нашего искусства ни за одним из наших великих писателей.

Одиночками были заточены в Сибири Радищев и Чернышевский. «Своим» обществом отправились на каторгу декабристы. Достоевский был на каторге с «народом». Он узнал народ не в совместной, пусть страшной, борьбе на ратном поле, не в созидательном, пусть тяжком, труде на поле сельском – там, на каторге, укрепилась его вера в русский народ. Более того, она родилась там. Она прошла через все, и поколебать ее уже не могли ничто и никто.

Только укрепившись на народной «почве», если воспользоваться словом самого писателя, для него принципиальным и многозначным, стало возможно говорить о новом и для него, и для всей русской литературы возрождении личности, о новом возрождающемся гуманизме.

Достоевский писал о больном мире, и болезням мира, им обнаруженным, он искал лекарства в соответствии с диагнозом. Достоевский искал позитивные начала, идеальные определения, положительных героев. Но и здесь его мерой была, если можно так сказать, безмерность.

Достоевский не просил веры. Но жаждал ее, стремился к ней, искал ее. Искал разрешений. И находил их. Причем находил в сферах высоких и метафизических, может быть, потому, что находил их и в сферах земных и реальных. Вера в массу подкреплялась реальной верой в русский народ. Вера в личность опять-таки получала для Достоевского подтверждение в факте реальном, бывшем, явленном – в Пушкине. Там, в этом бывшем, он готов был видеть будущую возможность разрешений личного, национального, всемирного.

В 1880 году в знаменитой своей речи о пророческом значении Пушкина он только подтвердил то, что сформулировал еще в 1863 году: «Ведь это пророк и провозвестник». Еще тогда, в начале 1860-х годов, Достоевский писал: «С общечеловеческим элементом, к которому так жадно склонен русский народ, он, мы уверены, наиболее познакомится через Пушкина».

Подчас мы склонны то, что Достоевский назвал «всемирной отзывчивостью» Пушкина, понимать как только протеизм, как чудную способность перевоплощения. А Достоевский говорит не просто об умении ощутить и передать своеобразие других наций, но о всемирной отзывчивости как способности воплотить идеальные начала их: «эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим (…) …воплотить в себе с такой силой гений чужого (…) народа, дух его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призвания…».

Достоевский безмерен. Сегодня, наконец отвергая скорые приговоры, безусловные характеристики и категоричные суждения, мы уже понимаем возможность того, что мы можем еще и не понимать этой безмерности. Но сегодня мы уже понимаем, что нужна нам именно безмерность Достоевского и что мы можем и должны мужественно ее принять, укрепленные тем, что безмерности зла, им обнаруженного, он противопоставил безмерность добра и света.

Николай ДОРОШЕНКО

...А народ поднимая на её высоту

К 200-летию Достоевского

Если отношение к Фёдору Михайловичу Достоевскому в России при его жизни было предопределено, в том числе, даже и его дружбой с влиятельнейшим Победоносцевым, то в советский период вся русская культура стала чиститься уже по разряду того её «дооктябрьского периода», который, по словам Троцкого, «у будущего историка культуры будет звучать так же тяжеловесно, как у нас «средневековый» в противовес новой истории».

Но первая статья, обозревающая творчество Достоевского, все же появилась в первом советском учебнике литературы для школьников в 1935 году. А вот в учебнике, издававшемся для школьников в 1938-1940 годах, выдающийся наш классик уже не упоминался, да и в вузах его творчество перестали изучать до начала 50-х годов.

Однако же интерес к стране, победившей фашизм, за рубежом был столь велик, а популярность и влияние Достоевского и как русского национального мыслителя и как писателя, раскрывающего «тайну русской души, в Западной Европе и в США столь возросли, что изучение его творческого наследия в вузы и школы было возвращено.

Однако же, как и в «большевистский» период советской истории, так и в «период реформ» в истории постсоветской главной помехой при формировании уже либеральной и «потребительской» ментальности стал именно Достоевский. И первым в Достоевского бросил камень, конечно же, главный идеолог «реформ» Чубайс. В интервью британскому изданию «Файнэншл Таймс» он заявил: «Я вот тут последние три месяца посвятил перечитыванию Достоевского. И вы знаете, я стал испытывать почти физическую ненависть к этому человеку. Глупо было бы отрицать, что он был гением. Но культ русского народа и постоянные намеки на его избранность и страдания в его произведениях вызывают у меня желание просто разорвать его на куски». То есть, Чубайс лишь повторил Троцкого, тоже признававшего Достоевского «гением», но – «с непоправимо ущемленной душой».

И уж чего я не ожидал, так это того, что бывший министр культуры и доктор наук Владимир Мединский на презентации тематического номера журнала «Историк», приуроченного к 200-летию со дня рождения Достоевского, да еще и в клубе «Достоевский»(!) вдруг заявит следующее: «Что касается Достоевского, его точно не надо навязывать в школе. Его, может быть, надо показать школьникам как что-то, что, может быть, когда вы станете взрослее и мудрее, вам станет доступно. А те, кто сможет понять это уже сегодня, – это какие-то особые школьники. Показать это как такую заманчивую интеллектуальную вершину, к которой надо стремиться».

Но так ли уж непонятен Достоевский, если первые переводы его романов на европейские языки появились еще в 80-е годы XIX века, если до сих пор именно Достоевский и Толстой делят в популярности первые и вторые места в Китае, Франции, Великобритании, США, Японии, Испании (долгое время перевод на испанский осуществлялся с французского и немецкого изданий), а в Германии 2021 год даже объявлен годом Достоевского.

Да и в школе ученикам ведь не приходится оставаться со своим национальным гением – Достоевским – наедине. У них есть учителя литературы, а у этих учителей есть высшее филологическое образование и методички. Например, моя сельская учительница литературы и русского языка Галина Георгиевна, особо не надеясь, что мы роман «Преступление и наказание» весь насквозь прочтем, нам содержание его как-то очень уж взволнованно пересказала, и те его части, которые мы все-таки должны прочитать, нам указала. И не скажу, что чтение было из легких, но в душу запала и сама, что называется, особая текстовая фактура романа и его непривычно сгущенная и обостренная атмосфера. А когда учительница еще и погрузила нас в мотивации поступков и в человеческие проблемы ключевых героев романа, то даже и при всем том, что в моей собственной, тогда еще несложной жизни ничего трагического не случалось, душа моя все-таки повзрослела, как взрослеет она у всех нас лишь в результате чрезвычайных событий, нами самими пережитых.

Может быть, если бы школа помогла нашим современным «стрелкам» хоть чуточку вдуматься в жизненный опыт литературного героя Раскольникова, то и не решались бы они расстреливать в школах своих ровесников и педагогов?

И уж если Мединский уточняет свое отношение к преподаванию Достоевского в школе вот этим более осторожным суждением: «Это не значит, что его не надо проходить, но делать это надо совершенно по-другому», то это значит, что надо так прямо и сказать: давайте вернем для будущих учителей то полноценное гуманитарное образование, а в школы давайте вернем те методички, которые позволили российским педагогам в XX веке высокую классическую культуру в бывшей «России с сохой» из сословной превратить в общенародную и общенациональную, не опуская её до уровня народа, а народ поднимая на её высоту.

И вообще, настоящее, не «для корочки» образование не только большинству подростков, а и многим профессорам дается трудно, поскольку оно не только результат естественного любопытства, а и очень-очень больших умственных усилий. И Федора Михайловича Достоевского надо все-таки читать хотя бы еще и потому, что в своем романе «Идиот» он вводит такое понятие, как «наглость наивности»:

«Эта наглость наивности, эта несомненваемость глупого человека в себе и в своём таланте, превосходно выставлена Гоголем в удивительном типе поручика Пирогова. (…) Стоило иному на слово принять какую-нибудь мысль или прочитать страничку чего-нибудь без начала и конца, чтобы тотчас поверить, что это «свои собственные мысли» и в его собственном мозгу зародились».

И вот миллионы школьников и их учителя, замордованные современными, ради сносной зарплаты, нормативами, а также и не особо понимающие свою ответственность чиновники от образования услышат, что даже и председатель Российского военно-исторического общества Владимир Мединский считает, что Достоевского «точно не надо навязывать в школе», и ладонью каждый из них по своему лбу хлопнет, да и воскликнет радостно: «О! Да я же и сам так думаю!».

Но, слава Богу, есть еще у нас настоящая русская интеллигенция, свое «общее дело» продолжающая.

Большая серия книг, в которой за последние годы вышли такие фундаментальные, с научной оснасткой, издания, как «Ваш Пушкин», «Ваш Тютчев», «Ваш Лермонтов», «Ваш Лесков», «Ваш Чехов», «Ваш Блок», «Ваш Есенин» и многие другие (уже два десятка наименований!), в этом году пополнилась томом «Ваш Достоевский», в который вошли романы «Идиот» и «Бесы».

Все литературно-художественные тома этой большой серии были подготовлены к изданию Институтом русской литературы (Пушкинский дом) и Международным Пушкинского Фондом «Классика», возглавляемым крупнейшим знатоком русской классики, членом-корреспондентом РАН Николаем Николаевичем Скатовым. А руководителями проекта «Ваш Достоевский» стали В.Н. Кузин, А.Ю. Воронин и И.Т. Янин.

Книга снабжена подробнейшей «Хроникой жизни и творчества Ф.М. Достоевского» (перечисления событий некоторых лет занимают в большеформатной книге по несколько страниц текста с весьма убористым шрифтом), а также «Комментированным именным указателем» и «Примечаниями». И словно бы не только из глубочайшего уважения к юбилею писателя и к его великому литературному наследию, а и в помощь той части «новых» читателей, книга богатейше проиллюстрирована художниками XIX-XX веков.

Вячеслав МАКЕЕВ

Ждать ли серьёзных подвижек?

Разумный консерватизм и борьба с бедностью

В конце сентября президент России Владимир Путин заявил, «что бедность наш главный враг. Враг в лице бедности пока не побеждён…».

Важнейшая проблема для нашего государства – новейшей России, которой в конце декабря исполнится тридцатилетие – возраст полного сил молодого человека с некоторым жизненным опытом. Наиважнейшее заявление первого лица страны, которая в последние десятилетия значительно поправила и наращивает свою экономику, однако пока ещё «не слезла с нефтегазовой иглы», а ведь это до 40% поступлений в бюджет государства.

По данным МВФ в 2020 году современная Россия вышла на 6 место в рейтинге государств по совокупному объёму валового внутреннего продукта (ВВП), пропуская вперёд лишь такие колоссы, как США, Китай, Индия, а также Японию и Германию. А следом за Россией идёт новый «азиатский тигр» Индонезия, оставляя далеко позади прочие европейские и иные государства.

Кажется, что успехи налицо, если не брать в расчёт то обстоятельство, что СССР начала восьмидесятых годов прошлого века уверенно занимал вторую строчку в рейтинге мировых экономик следом за США. Даже если не брать в учёт доли теперь уже бывших союзных республик, разбежавшихся по вине известных персон, которых иначе как преступниками не назовёшь, республик, некоторые из которых стали откровенно враждебными и даже вступили в антироссийский блок НАТО, то РСФСР уверенно занимала вторую позицию среди экономик государств тогда ещё двухполярного мира.

Но вот незадача, по показателям среднедушевого дохода современная Россия занимает лишь 51 место в мире, пропуская вперёд множество небольших экономически развитых государств и соседствуя с Панамой и Малайзией. Обидно…

Впрочем, и США лишь на восьмой позиции, а впереди всех оказался маленький, экономически развитый Люксембург, славящийся своей металлургией, за которым следуют Ирландия, Сингапур, Катар и Швейцария…

Ну да бог с ними, Катаром и Сингапуром, мало что значившими на мировой арене. Ведь мы живём в богатейшей природными ресурсами России, которая и после распада СССР по-прежнему самая большая по территории страна в мире. Вот только малонаселённая для такой обширной страны, на которой по одним данным до 40% населения живёт в бедности, а по другим, что подчеркнул президент, уровень бедности всё-таки снизился до 20%, но и этого слишком много.

Вот и на заседании дискуссионного клуба «Валдай», которое состоялось в этом году в городе Сочи, от которого до исторического Валдая, где в Новгороде Великом рождалось Русское государство, не близко, президент подчеркнул, что капиталистическая система Западного мира зашла в тупик. Впереди неизбежная деградация, а потому России необходим свой путь развития с разумным консерватизмом. Какой это путь? Естественно, капиталистический, поскольку с социализмом покончено тридцать лет назад, но с разумным консерватизмом. Ну что ж, что это за такой «разумный консерватизм», надеюсь, нам разъяснят со временем многочисленные отечественные политологи и экономисты, вот только как к этому отнесётся возглавляемый олигархами крупный отечественный бизнес, не говоря уже о среднем и мелком бизнесе?

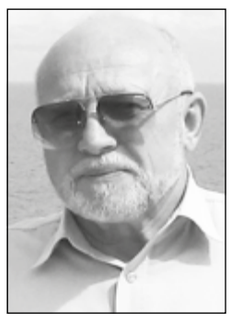
Не секрет, что крупный отечественный бизнес, зародившийся в лихие девяностые годы, в немалой степени криминален и за столь короткий тридцатилетний период не смог смыть с себя всю накопленную грязь и не готов отказываться от сверхдоходов и значительно повышать благосостояние наёмных работников. Да и госсектор выплачивает трудящимся многих сфер весьма скромные деньги, местами едва превышающие МРОТ, на которые хоть и можно прожить кое-как, но очень скромно, а по сути, на краю нищеты. И безработных у нас немало, по статистике до 5% трудоспособного населения, а это несколько миллионов человек, которым просто невыгодно работать за нищенские заработки, вот и идут самые активные из них в «самозанятые», а что это такое, догадайтесь сами…

Чтобы не платить достойную заработную плату, не вносить средства в пенсионный фонд и на здравоохранение, нечистоплотные бизнесмены привлекают в страну мигрантов, в основном из Средней Азии, что помимо роста доходов бессовестных частых компаний приносит немало проблем для всего российского общества от роста этнической преступности до терроризма. Едва ли не каждый день СМИ сообщают о задержании напичканных оружием членов подпольных бандформирований по всей стране, плюс изнасилования, убийства и драки…

Однако «королей бизнеса» это не волнует. Главное получить максимальную прибыль и устоять перед натиском конкурентов – таких же хищников, как и сами. Спрашивается, пойдут ли они на уступки трудящимся в заявленном отечественном капитализме с разумным консерватизмом?

Если взглянуть на губернаторов, мэров и прочих госчиновников, в том числе из силовых ведомств, многих их которых периодически судят и сажают за коррупционные сделки и не только за это, то этого мало, а большинство так и остаются в тени. Ведь даже президент как-то в сердцах заявил – «где посадки?..». Смогут ли эти сытые чиновники, проживающие в роскошных коттеджах за высокой оградой, снизойти до нужд простых граждан? Что-то не верится.

Наглядный пример. На днях Радио России сообщило о бывшей крановщице, ныне пенсионерке из города Омска, которая 35 лет жила в ржавой цистерне без света и отопления, ожидая обещанную местными властями квартиру, которую получила лишь после вмешательства Следственного комитета России. Разве это не ужасающая нищета!



Спрашивается, где были местные власти? И таких примеров бесчеловечного отношения к людям со стороны чиновников и чиновниц, одна из которых заявила, что и на три тысячи рублей в месяц можно прожить, очень много. Да ведь это всего около 40 долларов, что значительно меньших заявленного ООН порога нищеты в 2 доллара в день на человека, что имеет место в самых нищих африканских странах!

Так что прежде чем окончательно победить бедность, что крайне необходимо, недостаточно одного желания президента – нужны серьёзнейшие реформы органов местной власти, жёсткий контроль над исполнением поручений, а также значительное повышение эффективности работы правительства, из которого следует убрать либералов, прежде всего из министерств экономики, культуры, здравоохранения и просвещения. Ведь ещё великий русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский предупреждал: *«Русский либерализм не есть нападение на существующий порядок вещей, а есть нападение на саму Россию с целью её окончательного уничтожения»*.

Хочется надеяться, что это время настало, а «разумный консерватизм» и есть путь к ограничению аппетитов бизнеса и чиновничества – путь к социальному государству, а в будущем и возврат к социализму на здоровой консервативной основе.